
**ЭКОНОМИКА,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ**

ФИЛОСОФИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

© 2012 г. В. Миловидов

Сегодня становится почти очевидным: ни одна из существующих финансовых теорий не может объяснить фундаментальные причины современного финансового кризиса. 2000-е годы показали, что эффективный финансовый рынок – лишь теоретическая конструкция, перераспределительная функция финансовых институтов не работает на экономический рост, стоимость финансовых активов – самостоятельная категория, а сами финансы – относительно независимый сектор экономики, способный развиваться по своим законам и правилам.

Почти все выдающиеся представители политической экономии от классиков до неоклассиков, институционалистов, монетаристов и кейнсианцев пытались оправдать и найти экономический резон существованию финансовых посредников и их растущей на протяжении многих веков отрасли. Одни видели в них каналы эффективного перераспределения инвестиций, другие – “генераторов” денег и инвестиций, третьи – набор инструментов, балансирующих базовые экономические диспропорции.

Все пошло прахом. На авансцену вышли гадалки и предсказатели, обращающиеся к сугубо чувственным и эмоциональным оценкам происходящего. Апогеем стала визионерская доктрина “черного лебедя”, которая буквально подвела нас к выводу о Фатуме, правящем финансами¹. Что это, если не божественное проведение, властвующее над людьми. Единственное, на что способен человек, это помнить о действии этой высшей силы и стараться быть готовым уловить движение ее наказующей или благословляющей десницы.

Может, все действительно так? Может, рационально-экономический подход не дает возможности охватить всю картину современной финан-

совой системы, открывая нам лишь маленькую часть гигантского пространства финансов? А мы, руководствуясь таким подходом, на самом деле ошибочно принимаем за “горизонт” всего лишь рельеф текущей рыночной конъюнктуры?

А какой иной подход может быть более подходящим к нынешним процессам? Где та возвышенность на равнине скудных знаний, встав на которую мы сможем хотя бы едва увидеть ускользающий горизонт истины? Я не претендую на исчерпывающий ответ. Да вряд ли кто может однозначно ответить. Но попытка все же возможна. Именно это я и намереваюсь сделать в дальнейшем изложении.

Слово “философия” умышленно вынесено в заголовок статьи. Это позволяет обратиться к работам и мыслям не экономистов, но философов. История философии знает такие труды: “Философия религии” Г. Гегеля, “Философия свободы” Н. Бердяева, “Философия хозяйства” С. Булгакова... Мне скажут: часть этих работ – религиозный идеализм. Что ж, если рациональный взгляд на ход событий отказывает нам в постижении истины, может быть идеалистически-религиозный подход просветит нас? Итак попробуем.

**НЕДОСКАЗАННОСТИ
РАЦИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ**

Говоря о финансовом рынке, мы говорим об определенных экономических отношениях. Экономические отношения имеют гораздо большую историю, чем финансовый рынок, поскольку возникают на самых ранних этапах развития человеческого общества вместе с примитивными формами обмена. Но возникают-то эти отношения в обществе *homo sapiens* – “людей разумных”. “Разумные люди” же вполне в состоянии сами договориться между собой и сделать свои отношения регулируемы без постороннего вмешательства. Но вопреки этому “разумному” предположению мы уже на самых ранних стадиях появления экономических отношений видим попытки влиять

МИЛОВИДОВ Владимир Дмитриевич, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой международных финансов МГИМО (У) МИД России (vmilovidov@hotmail.com).

¹ См. подробнее: Балацкий Е. Масштабирование социальных явлений (Рецензия на книгу Н. Талеба. “Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости”. Пер. с англ. М., 2009) // МЭ и МО. 2010. № 6.

на них извне, то есть кем-то и как-то их регулировать... Причем, эти попытки “урегулировать” или “задать правила” мы находим как в древних кодексах первых государств, так и вне связи с государствами – например, в религиозных заповедях. Почитаем Библию, например, Второзаконие.

Дело в том, что уже на ранних стадиях появления человеческого общества возникает дилемма: “частное и общественное”, личный интерес отдельного субъекта и интерес общества, в котором он существует. Внешнее воздействие на отношения людей – регулирование их отношений – возникает как объективная потребность балансирования частных интересов и интересов общества, использования частного интереса в интересах общества. Это вечная задача любого общества, она является вызовом для человечества со дней его появления и до наших дней.

Начиная с Адама Смита великие умы разъясняли разные формы не просто перенаправления частного интереса на благо общества, но и перераспределения частного дохода (продукта) в пользу общественного дохода (продукта). В экономической литературе возникают темы экономической морали, социальной ответственности, экономического принуждения, перераспределения.

Уже у А. Смита в “Исследовании о природе и причинах богатства” мы находим слова о “третьем классе”, который живет на прибыль (и тем самым цели которого противоречат национальному интересу), а также о предприятиях, которые государство должно поддерживать, так как ни одно частное лицо не сможет этого сделать, о налогах. Разрешение дилеммы частного и общественного Йозеф Алоис Шумпетер в своей работе “Капитализм, социализм и демократия” стал искать в анализе созидательной инновационной деятельности крупных предприятий. А Вернер Зомбарт, автор книги “Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека”, перевел разговор в плоскость моральных различий “буржуа” и “предпринимателя”, “предпринимательского духа” и “мещанского духа”.

Более модернистский подход к тому же вопросу мы обнаруживаем у Фрэнка Найта в работе “Риск, неопределенность и прибыль”. Он ввел в анализ частного и общественного новый элемент – риск (неопределенность). Исследователь усмотрел в нем стимул экономического развития, так как именно склонность к риску позволяет создавать новые предприятия и производить новые продукты. Но Найт также понимал негативные

последствия всеобщей неопределенности для общества.

С позиции дилеммы частного и общественного нам стоит посмотреть на существующие рационально-экономические доктрины функционирования финансовых рынков и финансовых посредников. Выберем трех политэкономов – авторов ключевых доктрин в этой области. Это основоположник кейнсианства Джон Мейнард Кейнс, Артур Сесил Пигу, создавший вслед за Альфредом Маршаллом теоретический фундамент неоклассики, и, наконец, Йозеф Шумпетер, в чем-то продолжатель австрийской экономической школы, а в чем-то институционалист, короче, первый и главный “шумпетерианец”. Каждый из них сформулировал свой механизм увеличения общественного богатства, сотканного из разрозненных продуктов, произведенных субъектами экономического процесса. Все они в той или иной степени выбрали инвестиции в качестве важнейшей категории своей научной концепции. При этом каждый по-своему видел в инвестициях движущую силу развития.

В моем понимании, именно А. Пигу построил наиболее логичную систему согласования частного и общественного интересов с участием финансовой системы. Он определил экономическое благосостояние как совокупность таких удовлетворяемых и неудовлетворяемых потребностей, которые могут быть измерены с помощью денег. Но блага могут быть настоящими и будущими. С такой точки зрения, считал Пигу, мы оцениваем все блага по убывающей шкале. Иначе говоря, предпочитая нынешние блага будущим, человек расходует свои средства сегодня, отказываясь тем самым от “создания нового капитала”.

Однако на капитал (инвестиции), согласно Пигу, воздействуют два фактора: ожидания и бремени неопределенности. Отсюда напрашивается вариант решения задачи инвестирования: побуждение и стимулирование “ожидания” и минимизация “бремени неопределенности”. Тогда можно достичь увеличения благосостояния. Первую часть задачи решает государство, стимулируя сбережения, вторую часть – финансовые посредники, распределяя капитал в экономике. Именно посредники оценивают наиболее эффективные варианты приложения капитала, выбирают направления, где производство частных продуктов наиболее эффективно с точки зрения всего общества.

Так, во многом благодаря Пигу сугубо техническая на первый взгляд роль финансового посредника обретает экономическое и социальное значение. Речь идет о финансовом посредничестве

как о внутреннем механизме самонастройки экономики, обеспечивающем нацеливание частных интересов на достижение общественных интересов и рост благосостояния.

Кейнс вывел формулу равенства сбережений и инвестиций, а вместе с ней свой психологический закон: с ростом совокупного реального дохода происходит замедление роста потребления. Казалось бы, и хорошо, ведь тогда растут сбережения, а с ними вместе и инвестиции, рост которых стимулирует развитие и занятость как “мерило благосостояния” по Кейнсу. Но... Инвестиции определяются у Кейнса, как и у Пигу, двумя факторами: “текущей ценой” предложения капитала и “ожидаемым доходом”.

Предельная эффективность капитала – категория, которую ввел Кейнс, чтобы увязать текущую цену предложения капитала и ожидаемые доходы. Если ожидаемый доход выше текущей цены предложения капитала, то инвестиции растут. Если ситуация обратная – падают. Но ожидаемый доход, справедливо замечал Кейнс, в чем-то солидаризируясь с Пигу, вещь весьма неопределенная и даже манипулируемая. Угадать размер будущего дохода – все равно, что играть в лотерею: повезет – не повезет.

Правда, в отличие от Пигу, Кейнс был склонен видеть в рынках капитала скорее источник дополнительной игры вокруг ожиданий будущих доходов, а в его текстах не прослеживается явная симпатия к этим институтам. Скептичен Кейнс и по отношению к денежной политике, регулирующей текущие процентные ставки. Зато Кейнс полагался на государство, “которое в состоянии взвесить предельную эффективность капитальных благ с точки зрения длительных перспектив и на основе общих социальных выгод будет брать на себя все большую ответственность за организацию инвестиций”². А что еще мог бы предложить один из отцов-основателей МВФ?

Шумпетер категоричнее и прямолинейнее двух своих ученых собратьев и современников. Инновации – вот, что движет развитием общества. “Экономическое развитие, – писал он, – представляет собой существенно новое использование труда и земли”³. Новые комбинации производительных ресурсов (он называл их услугами труда и земли) ведут к росту “благосостояния”. В теории инноваций инвестиции – связующий

всю ее конструкцию элемент. Более того, рынок инвестиций, рынок капитала – прямое порождение развития, так как именно новые инвестиции создают “новые стоимости”. Кстати, за эти положения Шумпетеру доставалось от Кейнса, видевшего в них посягательство на его формулу равенства сбережений и инвестиций.

Обращаясь к теориям экономического роста, стоит задать своего рода трехмерные координаты и рассмотреть в них те функции финансовых посредников, которые в итоге определяют их экономическую роль. Первая ось – трансформация сбережений в инвестиции, ось перераспределения капитала (Пигу, неоклассики). Вторая ось – оценка рисков, снижение неопределенности и оценка будущих доходов (Кейнс, хотя сам он не верил в эффективность функций частного, расположенных вдоль этой оси). Третья ось – создание капитала, предложение инвестиций (Шумпетер).

Отсюда собственно и сами функции.

1. Оценка экономических рисков и снижение на этой основе неопределенности инвестиций.
2. Перераспределение капитала в экономике с учетом оценки рисков и будущих доходов.
3. Аккумуляция сбережений и трансформация их в инвестиции.
4. Информационное посредничество, выражающееся в предоставлении консультационных услуг в части минимизации рисков инвестиций и оценки будущих доходов. Управление чужими капиталами.
5. Учет инвестиционных предпочтений, субъективных оценок будущих и настоящих доходов и создание на этой основе диверсифицированной линейки финансовых инструментов.
6. Формирование рынка инвестиций и финансовых инструментов.
7. Обеспечение ликвидности долгосрочных сбережений путем трансформации их в торгуемые на рынке финансовые инструменты.
8. Дополнительное стимулирование конечного потребления за счет потребительского кредитования.
9. Предложение инвестиций за счет кредитования, приобретения ценных бумаг, создания первичного рынка ценных бумаг.
10. Финансовый инжиниринг как создание инструментов для снижения рисков и торговли ими (производные финансовые инструменты).

² Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002. С. 156.

³ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М., 2008. С. 168.

Глядя на этот перечень, ловишь себя на крамольной мысли: если рыночные институты умеют эффективно определять наиболее привлекательные и для общественного развития, и для частных интересов сферы приложения капитала, минимизировать риски, собирать сбережения и направлять их в эти сферы, оценивать будущие доходы, то современная экономика должна двигаться по траектории неуклонно умножающегося процветания. Кризисы и сбои хозяйственного механизма просто не могут помешать этому поступательному движению!

По своим функциям высокоразвитая система финансовых посредников в состоянии выполнять роль внутреннего рыночного регулятора и стабилизатора экономики. Чем выше уровень развития финансовой системы, тем более заметной может быть эта роль. А если мы говорим о глобализации финансовой системы, то приходим к выводу о том, что финансовые институты способны играть свою экономическую роль в глобальном масштабе. Кстати, в этой связи можно по-новому посмотреть на идею создания в России международного финансового центра (МФЦ). Получается, что его появление будет означать, что отечественные финансовые институты станут участниками регулирования глобальной экономики, что заметно поднимет вес нашего государства в глобальных экономических процессах.

Мир, в котором рыночные институты финансового посредничества выступают чуть ли не самодостаточной силой экономического равновесия, был бы весьма привлекателен. Лично мне он представляется очень симпатичным. Увы, в жизни налицо немало примеров, разрушающих этот идеальный образ. Даже читая научные труды тех, кого можно считать энтузиастами и даже адептами такого мира, мы находим у них высказывания, отрицающие любую, даже самую малую надежду...

Еще в XVII в. Даниель Дефо в книге *“An Essay upon Projects”* (1697 г.) писал: “...Маклеры, держа сами в руке кубок с костями, делали всю биржу игроками, повышали или понижали цену акций по своему желанию и имели при этом всегда наготове покупателей и продавцов, которые веряли продажному языку маклеров свои деньги”⁴. По мнению Макса Вебера, «крупный капиталист, которого упрекают за допускаемые на бирже злоупотребления, ссылается на то, что “всякий

сброд” принимает участие в делах... Достоверно, однако, то, что в наше время только посредством крупных капиталов биржевая торговля может выполнять лежащие на ней функции»⁵. Далее он добавляет: “Мелкий спекулянт, который зарабатывает на маленьких колебаниях курса, который сам ничего не имеет и на бирже надеется нажить состояние, совершенно бесполезен для народного хозяйства: он тунеядец, и заработок его – даром потраченные народным хозяйством деньги”⁶.

Профессор Московского университета И.Х. Озеров в своих лекциях 1908 г. также признавал уже очевидные нам несовершенства финансового рынка и биржи как формы его организации: “Когда есть основания предполагать, что в организме что-то ненормально, то прибегают к термометру, и повышение температуры является симптомом болезненности. В экономической жизни также есть такой термометр, это – биржа. Она отражает состояние страны, положение той или другой промышленности, поэтому биржевые бюллетени читаются с такой жадностью публичкой. Но при изменении температуры организма очень важно, чтобы термометр был в исправности, чтобы он точно отмечал температуру, чтобы он был правильно поставлен. Между тем про нашу биржу нельзя сказать, чтобы она правильно функционировала и была свободна от возможности искусственного воздействия на нее. Биржа представляет огромное поле для злоупотреблений и великий соблазн для присосавшихся к ней темных рыцарей: у повелительницы так много пружин, на которых удобно и выгодно играть. Биржа чувствительна, как термометр, доступна искусственному воздействию. Но если искусственно нагретый или охлажденный термометр не может обмануть естественного ощущения тепла или холода, то этого никак нельзя сказать про биржевой термометр”⁷.

Как можно видеть из этих цитат, в центре критики экономистов – биржа, то есть ключевой институт организованного финансового рынка. Постепенно именно биржа стала наиболее ярким образом, с одной стороны, развитости финансового рынка, а, с другой стороны, его противоречий и несовершенства. Более того, именно биржа стала своего рода символом противоположности между общественной функцией созидания и частной жадной наживы. Об этом писал В. Зомбарт: “... Сама по себе биржевая игра или вернее, действующая на бирже (или в биржевой форме) игор-

⁴ Цит. по: Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 2004. С. 57.

⁵ Вебер М. Биржа и ее значение. М., 2007. С. 361.

⁶ Там же.

⁷ Озеров И.Х. Основы финансовой науки. М., 1908. С. 273.

ная страсть, как бы она ни проявлялась... имеет столь же малое отношение к развитию капиталистического духа или в такой же малой мере представляет эманацию этого духа, как какая-нибудь партия покера и баккара у зеленого стола”⁸.

Противоречивость рационально-экономического подхода к поиску полезности финансовых институтов объясняется тем, что практически все вышеперечисленные исследователи пытаются проникнуть в глубину рационального мышления, ожиданий, предпочтений и, наконец, знаний экономических субъектов. То, что именно вовлеченные в хозяйство люди проецируют на ход экономических событий свои экономические потребности, очевидно. Хозяествуя, потребляя, распределяя, производя, они формируют спрос и предложение, а взаимодействуя друг с другом, – находят некоторую точку равновесия их интересов. В этом смысле политическая экономия или “экономикс” (как не называй, но по сути рациональный анализ происходящих вокруг нас процессов) формируют представление об экономическом равновесии. Однако именно люди как экономические субъекты в силу отсутствия профессионализма, либо движимые “не тем духом” формируют предпосылки для нарушения равновесия. Это происходит как среди профессионалов, так и среди обывателей, а также между первыми и вторыми.

Вот, что писал А. Пигу в книге “Экономическая теория благосостояния”: “...Представители широкой общественности, в конечном счете обеспечивающие средства для создания учреждаемых профессиональными финансистами предприятий, еще меньше, чем заурядные бизнесмены, способны предсказать развитие событий... Преднамеренное искажение прогнозных оценок, подготовленных неспециалистами, нередко соответствует интересам профессионалов (и обычно оно во власти последних), распространяющих ложную информацию и пользующихся иными подобными методами”⁹.

Ему вторил и оппонент неоклассиков Дж.М. Кейнс: “Можно было бы полагать, что конкуренция между квалифицированными профессионалами, обладающими рассудительностью и знаниями выше уровня среднего частного инвестора, нейтрализует причуды неосведомленного индивидуума, предоставленного самому себе. На деле, однако, энергия и искусство про-

фессиональных инвесторов и биржевых игроков часто направляются в иную сторону”¹⁰. И далее он уточнял: «Фактическая же личная цель большинства квалифицированных инвесторов сегодня – это “определить пулю”, как метко выражаются американцы, перехитрить толпу и сплавить поддельную или истертую монету ближнему... Это состязание в хитроумии... не требует даже наличия простаков из публики, насыщающих утробы профессионалов; все это профессионалы могут разыгрывать в своем собственном кругу»¹¹.

Отмечая эти явные несовершенства “профессионального” инвестирования, наличие разных интересов у экономических субъектов, нельзя не задать вопрос о силах, этим противоречиям противостоящих или способных противостоять. В ответ называются и государство, и действие рыночных сил, их “невидимая рука”, направляющая ход событий в созидательное, а не разрушительное русло. Однако дело в том, что если в мире реальных или материальных активов мы имеем дело с осязаемыми полезностями, то в финансовом мире все заведомо нематериально. Там правит психология оценок, рисков, ожиданий, предположений. И тут задача профессионалов, как писал Кейнс, “разрушение темных туч нашего времени и невежества, заволакивающего наше будущее”¹².

Но это уже сверхчеловеческая задача, ведь даже признанный профессионал – всего лишь человек. Способен ли он увидеть то, что ему не дано по происхождению? Более того, как отмечал Й. Шумпетер, “дематериализованная, лишенная своих функций и отстраненная собственность не впечатляет и не внушает чувства преданности, как собственность в период своего расцвета. Со временем не останется никого, кого бы реально заботила ее судьба, ни внутри больших концернов, ни за их пределами”¹³. Но он сам же признавал: “Денежный рынок всегда является как бы штабом капиталистической экономики, откуда исходят приказы ее отдельным отраслям; там, по сути дела, обсуждается и принимается план дальнейшего развития”¹⁴.

Итак, круг замкнулся: поиск рационального решения относительно инвестирования сбережений, потребность выбрать профессионала, знающего и способного оценить лучше иного

⁸ Зомбарт В. Цит. соч. С. 56.

⁹ Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т. I. М., 1985. С. 223.

¹⁰ Кейнс Дж. М. Цит. соч. С. 147.

¹¹ Там же. С. 148.

¹² Там же.

¹³ Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм, демократия. М., 2008. С. 524.

¹⁴ Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М., 2008. С. 225.

обывателя сферу выгодного их приложения, приводит нас на организованный финансовый рынок, а тот, в свою очередь, в силу собственных законов существования не только дематериализует производительные, имеющие осязаемую полезность активы, но еще и начинает эксплуатировать доверчивость и жадность владельцев тех самых сбережений. Встроенный в экономику сложный и потенциально эффективный механизм перераспределения инвестиций во благо общественного развития начинает давать сбои. Вместо служения общественному интересу, он начинает обслуживать исключительно частные и весьма узкие интересы персон, допущенных к владению и управлению им. Чтобы вернуть его в русло общественных интересов, ему нужен присмотр. Нужен настройщик, который будет жестко и настойчиво вправлять сбившиеся шестеренки перераспределения капитала. Кто он? Кому принадлежит та самая “невидимая рука” рыночных сил, что движет участниками этого процесса? Какие силы заставляют экономических субъектов возвращаться к равновесию их интересов?

Рационально-экономический взгляд на финансовый рынок, как и на всю экономику, не дает убедительного ответа. Этот взгляд постоянно заставляет искать нас некий материализованный разум, либо механизм в том мире, где материальность является случайностью. Материализм экономического мышления ограничивает охват зрения. Именно поэтому представляется интересным посмотреть на финансовый рынок глазами философов-идеалистов.

СОФИЙНОСТЬ ФИНАНСОВОГО РЫНКА?

Известный русский религиозный философ С.Н. Булгаков использовал термин “софийность хозяйства” как базовую категорию в своей работе “Философия хозяйства”. В некотором роде этот термин – синоним экономическому термину “равновесие”. Однако “экономическое равновесие” достигается в процессе взаимодействия субъектов хозяйства между собой, в результате конкуренции, соперничества, принятия на себя рисков неопределенности. А у Булгакова “София правит историей как Провидение, как объективная ее закономерность, как закон прогресса”¹⁵. Софийность как выражение Божественной мудрости, изначально и внутренне присуща хозяйству как творческой деятельности человека. Булгаков писал: “Историческое человечество, а в нем и каждая личность, онтологически причастны Со-

фии, и над дольным миром реет горняя София, просвечивая в нем как разум, как красота, как... хозяйство и культура”¹⁶.

Хозяйство рассматривается Булгаковым в широком смысле. Это, по сути, вся совокупность созидательной деятельности человека, постоянная борьба жизни и смерти во взаимодействии с природой. “Содержание хозяйственного процесса, можно выразить, – писал Булгаков, – как очеловечивание природы”¹⁷.

Это очень важный тезис, за которым кроется процесс взаимопроникновения человека и природы. Именно сквозь такую призму рассматривал Булгаков человеческий труд, потребление и производство. В результате человеческой деятельности происходит “преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью”¹⁸.

Сопоставляя хозяйство с процессом очеловечивания природы и выживания человека, Булгаков поднял суть равновесия с уровня сугубо материального и потому технического на высший уровень существования жизни как таковой. Он писал: “Наличие же состояния бытия обнаруживает свой переходный характер, свое неустойчивое равновесие, которое стремится сделать устойчивым в этом процессе” (то есть в процессе хозяйствования). Хозяйство – вот инструмент равновесия человеческого бытия, “орудие самоутверждающейся жизни”. “В своем прогрессе, – говорил о хозяйстве философ, – оно есть победа организующих сил жизни над дезорганизующими силами смерти”¹⁹.

Рассматривая хозяйство как инструмент установления равновесия жизни, Булгаков не делил его на отрасли. “Хозяйство есть трудовая деятельность”²⁰, – утверждал он. Это труд во всех проявлениях: “от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета”. Булгаков априори считал любой труд средством борьбы за выживание, воспроизведением и завоеванием жизненных благ. И в Ветхом, и Новом Заветах мы найдем упоминания о разных видах труда. Там же мы обнаружим и приметы труда, который сегодня можем отнести к деятельности в финансовой сфере. Этот труд, по Булгакову, не поддается определению. Труд познается лишь в противопоставлении его природе, всему тому, что является природным и даровым.

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ Там же. С. 63.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 64.

²⁰ Там же. С. 65.

¹⁵ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2008. С. 165.

Тезис о противопоставлении труда чему-то даровому очень важен в увязке с перечнем “действий в мире вещей и на вещи” или “объективных действий”, который сформулировал Булгаков. В их числе “работа по организации фабрики с машинным разделением труда или по торговле с ее спекуляцией”²¹.

Стоит отметить время написания этих строк – 1912 г. Булгаков не мог не замечать активного процесса формирования акционерных обществ, развития биржевой спекуляции. Однако он не отрицал созидательной стороны и этой деятельности. Для него финансовая деятельность является неотъемлемой частью хозяйства и как само хозяйство проникнуто всеми теми же свойствами. Значит и эта часть хозяйства входит в боевой комплект “орудия самоутверждающейся жизни”.

Отказываясь от определения труда и его деления на подвиды, Булгаков тем не менее различал две составные части хозяйственной деятельности: потребление и производство. В ходе этих двух процессов происходит обмен веществ между человеком и природой. Потребляя, человек как бы впускает в себя мир, а производя, воплощает себя в мире. Это отношение человека к миру или некий обмен с миром Булгаков выразил формулой “я в мире или в природе, а природа во мне”²².

Оценивая развитие хозяйства, Булгаков отчетливо показывал, как на каждом новом уровне происходит этот самый “обмен веществ” между человеком и природой. Но ведь на каждом витке развития этот обмен во многом определяется особенностями всех предыдущих обменов. Иначе говоря, настоящее как бы втягивает в себя прошлое. Так же и “человек хозяйствующий” впитывает в себя прежний опыт, сложившиеся реалии жизни, самого себя в ранних своих деяниях, деяния других. Он познает окружающий его мир, меняет его – но, по Булгакову, “он познает в истории, в эмпирии, в мире дезорганизованного, хаотичного, лишь по частям организующегося космоса”²³. Поэтому “человек есть, с одной стороны, потенциальное все, потенциальный центр антропокосмоса..., а с другой стороны – он есть продукт этого мира, этой эмпирии”. Поэтому и хозяйство, и человек в конкретно историческом периоде тоже “историчны”.

Если рассмотреть хозяйство как человеческую деятельность в историческом ключе, то та самая “софийность”, Божественная мудрость, способ-

ность к равновесию, присущая человеческому творчеству и хозяйству в “их основании”, “онтологически”, теряются. “Хозяйство софийно в своем основании, – подчеркивал Булгаков, – но не в продуктах, не в эмпирической оболочке хозяйственного процесса с его ошибками, уклонами, неудачами”²⁴. И далее: “Хозяйство ведется историческим человечеством в его эмпирической ограниченности, и поэтому далеко не все действия его отражают на себе свет софийности”²⁵.

По Булгакову, “тяжелый покров хозяйственной нужды ложится на хозяйственную деятельность и закрывает собой ее софийное предназначение”²⁶. Это метаморфоза происходит “после грехопадения человека”.

Кстати, особенно ярко о смене смысла и мотива хозяйства писал Николай Бердяев: “Вся человеческая энергия направлена вовне, на создание несовершенной, дурной множественности, на поддержание прогресса, закрепляющего закон тления, а не внутрь, не вглубь вечности”²⁷. Как бы повторяя идею Булгакова о преемственности времен и человеческой деятельности, он утверждал: “И живет человеческий род, весь отравленный этим трупным ядом предыдущих поколений”²⁸.

В чем же та сила, которая подавляет в человеке присущую ему и его деятельности в основании “софийность”? По мнению Булгакова, человеческое творчество создает не “образ”, а “подобие”²⁹, но сам человек зачастую старается стереть это различие, и “иметь свое от себя”, то есть создать “образ”. Это в конечном счете и приводит к тому, что “эмпирическая действительность остается чужда софийности”. На этом основании Булгаков делал вывод, важный для философского понимания хозяйственных диспропорций, кризисов, отсутствия равновесия, в том числе экономического: “Мир удален от Софии не по сущности, но по состоянию”³⁰.

Перечисленные выше характеристики хозяйства чрезвычайно точно отражают суть финансовой сферы. Именно там идет постоянное соотнесение “образа” и “подобия” как в высоком булгаковском, так и в буквальном материалистическом смыслах. Финансовые активы, создаваемые человеческой деятельностью в финансовом секторе хозяйства, представляют собой “подобия”, но всякий раз в

²⁴ Там же. С. 152.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 164.

²⁷ Бердяев Н. Философия свободы. М., 2010. С. 152.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Булгаков С.Н. Философия хозяйства. С. 151.

³⁰ Там же. С. 155

²¹ Там же. С. 68.

²² Там же. С. 110–111.

²³ Там же. С. 132.

результате все того же творчества человека, его деятельности, имеют тенденцию становиться “образами”, то есть существуют “сами по себе” и происходят “сами от себя”. И здесь лежащие в их основании рационализм, устойчивость, мудрость (софийность) оборачиваются эмпирическими ошибками, неудачами, просчетами.

Это тем более возможно, так как для “финансовых продуктов” не существует осязаемых материальных потребительских качеств, легко оцениваемых человеком в ходе его хозяйственной деятельности. Финансовые инструменты и услуги дематериализованы, они держатся на сугубо психологических категориях: ожидания, предпочтения, неопределенности, склонности. Здесь возникает огромное поле для эмпирики и создания себе собственного “образа”, в котором можно убедить всех остальных участников финансовой сферы, готовых на создание его “подобий”. Особенно наглядно этот философский контекст прочитывается в производных финансовых инструментах.

КАК ВОССТАНОВИТЬ РАВНОВЕСИЕ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ?

Разрыв между рационализмом, “мудростью”, объективностью и полезностью, внутренне присутствующими всем слагаемым хозяйства (экономики), включая финансовый сектор, и его зачастую разрушительной эмпирикой, противоречивым состоянием, конфликтным существованием должен быть преодолен. Если следовать доктрине С. Булгакова, то София, то есть Божественная мудрость, должна привести человека к пониманию благ хозяйствования и отрицанию всего того, что разрушает и экономику, и человека, выводя жизнь из равновесия.

Действие высших сил, гораздо более мощных, чем сугубо материалистическая стихия рынка, чем конкуренция, являющаяся в большей степени материальным соперничеством, действие сил, охватывающих глубинные “бытийные” корни человеческого сознания и формирующегося на его основе поведения, должно проложить “человеку хозяйствующему” дорогу к созидательному и полезному творчеству, духовному и материальному обогащению самого себя и окружающей его природы.

С. Булгаков задумывал написать вторую часть книги “Философия хозяйства”, на долю которой, по его собственному утверждению, “останется проблема оправдания хозяйства”³¹. Во второй ча-

сти Булгаков планировал исследовать в том числе проблему “плоти и духа”, или, как он уточнял, “этики хозяйства”. К сожалению, вторая часть так и не появилась на свет, а в первой и на сегодня единственной части книги мы находим лишь сугубо общие категории булгаковской концепции. Но как раз проблема “плоти и духа”, анализ которой и должен был, по всей видимости, раскрыть тайну хозяйственных противоречий и диспропорций, в “Философии хозяйства” отсутствует. Сейчас мы можем лишь отчасти догадываться о ходе мысли философа, но некоторой подсказкой могут послужить его высказывания из более поздних трудов.

Так, в книге “Свет невечерний: созерцания и умозрения”, написанной С. Булгаковым в 1916 г. и посвященной выявлению религиозных созерцаний, связанных с жизнью в Православии³², мы находим некоторые ответы относительно “этики хозяйства” и проблемы “плоти и духа”. В примечании к одной из глав Булгаков говорит о развитии идей, изложенных в “Философии хозяйства” и о рассмотрении вопросов, предназначенных для ее второй части. Он заключает: «Поэтому хотя формально настоящее сочинение и не является обещанной второю частью, но по существу дела я считаю свое обязательство перед читателем “Философии хозяйства” здесь фактически выполненным»³³.

Обращаясь к грехопадению человека, к истокам “вынужденности” его труда, Булгаков называл труд “серой магией”, как бы подчеркивая “затемненность” его изначальной разумности и мудрости. В этой серой магии “неразъединимо смешаны элементы магии белой и черной, силы света и тьмы, бытия и небытия, и уже самое это смешение таит в себе источник постоянных и мучительных противоречий”³⁴.

Прежде всего Булгаков более рельефно подчеркивал наличие противоречивости хозяйства как сферы труда человека: “Во всех своих разветвлениях хозяйство одинаково подвержено власти ничто, актуализировавшегося в мире. Поэтому и все его достижения, имея положительную основу в творческих силах бытия, несут на себе неизгладимую печать этой власти”³⁵. Поэтому, как указывал философ, «внутреннее противоречие, которым разъедается “серая магия”, состоит в несоответствии его основы и фактического состоя-

³² См.: Булгаков С. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. СПб., 2008.

³³ Там же. С. 478.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 479.

³¹ Там же. С. 24.

ния, – софийности его корня и антисофийности его бытия»³⁶.

В силу двойственности и противоречивости хозяйства человек начинает воплощать себя все больше хозяйствующим субъектом, “серым магом”, для которого “хозяйственный инстинкт, или эгоизм, полагается в основу жизни”. Булгаков пишет: «Хозяйство, основанное на эгоизме, неизбежно страдает от дисгармонии и борьбы, личной и групповой (“классовой”), и нельзя до конца гармонизировать этот хозяйственный эгоизм, введя его в берега “солидарности”»³⁷.

Здесь Булгаков впервые говорит о силах, которые должны направить хозяйственный процесс в то идеальное русло человеческого творчества, которое по его же определению “софийно” и имеет мощный внутренний стимул равновесия. Этих сил две – внутренняя и внешняя: “Хозяйственный эгоизм есть стихийная сила, которая необходимо нуждается в регулировании не только внешнем, но и внутреннем, духовно-аскетическом; предоставленный же самому себе и освобожденный от всякого удержания, он становится силой разрушительной”. Что же это за силы?

Первая связана с “духом” хозяйства, с тем, о чем так подробно пишет Булгаков в “Философии хозяйства”, с его “софийностью”, с присущей ему Божественной мудростью. “Хозяйство должно сохранять значение только средства для достойной жизни, причем подлинным критерием здесь является религиозный ее идеал. Этим идеалом и связанным с ним аскетическим саморегулированием хозяйства определяется его дух, который, не будучи приурочен к определенным формам, изнутри их собой определяет”. Вторая сила – «“социальная политика”, направленная к преодолению или смягчению последствий эгоизма в человеческих отношениях»³⁸. Более того, Булгаков признает роль и силу власти: “Власть есть богоустановленное средство для внешней борьбы с внутренним злом, паллиативное и симптоматическое его лечение”³⁹.

Таким образом, несмотря на то что по своей сути хозяйство движимо созидательными, “божественными” силами и способно само в творческой деятельности человека проявлять свой религиозный смысл, оно нуждается во внешнем воздействии. Булгаков настойчиво повторяет тезис о внутренней силе, о духе хозяйства, которые опре-

делены свыше, но он также вполне осмысленно говорит о внешнем регулировании, используя при этом термин “социальная политика”. Все это в полной мере относится и к финансовому сектору, ведь он – часть хозяйства и формируется трудом человека, который ничем не отличается от всех иных видов труда.

Данная концепция основана на фундаментальных принципах и ценностях Христианства. Беда в том, что эта философия опоздала со своим появлением в России. В начале XX в. рассуждать о внутренних созидательных силах хозяйства и тем самым пытаться противостоять большевистскому марксизму, опирающемуся на революционный протест масс, было наивно. Кроме того, язык религиозно-идеалистической философии России был настолько высокопарен и сложен, что оставался мало понятен тем, кому в конечном счете он был адресован. Массы впитывали гораздо более доступную им демагогию лидеров большевиков: отнять и поделить.

В отличие от российских европейским мыслителям удалось сформулировать общественно-доступные духовные принципы в самом начале “буржуазного освобождения” и определить поступательный процесс развития общества. Почти за 380 лет до выхода книги православного священника и философа-идеалиста С. Булгакова один из вдохновителей Реформации Жан Кальвин сформулировал “хозяйственные” и “потребительские” заповеди христианина.

Кальвин и Булгаков – люди, разделенные эпохами и верой, но во многих базовых представлениях и наставлениях они единомышленники. То, что говорил Булгаков о труде и равенстве видов труда, о духовном содержании трудовой и хозяйственной деятельности, по сути проповедовал и Кальвин, вводя понятие “призвание”. В книге “Наставление в христианской вере” он заявлял: “Господь знает, насколько человеческое сознание разгорячено беспокойством, с какой легкостью оно бросается из стороны в сторону и с какой самонадеянностью и алчностью стремится постигнуть самые разнообразные вещи. Поэтому, дабы своими безрассудством и дерзостью мы не нарушили всего порядка вещей, Бог установил различия между профессиями и образом жизни, предписал каждому его обязанности. А чтобы никто не преступал установленных для него границ, он назвал каждый образ жизни призванием”⁴⁰.

⁴⁰ См.: Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Кн. III. Гл. X. Разд. 6 (<http://jeancalvin.ru/institution>).

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 485.

³⁸ Там же. С. 486.

³⁹ Там же. С. 531.

Призвание – это больше, чем просто профессия, это миссия, это ответственность человека перед Богом. Это и его совесть, и свобода, и необходимость. Кальвин не призывал ограничивать свободу человека, но предлагал следовать призванию. Он наставлял: “Человек, который будет направлять свою жизнь к цели своего призвания, очень хорошо устроит ее, ибо не будет покушаться на большее, чем то, что несет с собой его призвание, не даст воли собственной дерзости, отлично зная, что ему не позволено выходить за определенные границы”⁴¹. И заключал: “Нет дела нечистого и презренного, которое не засияло бы перед Богом и не стало бы драгоценным, если, выполняя его, мы служим нашему призванию”⁴².

Сопоставление слов Кальвина и Булгакова позволяет вскрыть глубинные корни этики хозяйства и хозяйственного поведения человека, которые не могут быть разделены с позиций разных эпох и верований. Сопоставляя по сути несопоставимое, мы обнажаем глубинную общность, единство христианского представления о внутренних и внешних силах, определяющих развитие экономики. Имеется в виду единство духовного устройства хозяйственной жизни. Другое дело, почему это единство выразилось в столь разных системах хозяйствования: европейского протестантского капитализма и российского общинно-государственного капитализма? И есть ли отличия между “капиталистическим духом”, правящим на Западе, и “капиталистическим духом”, обосновавшимся в России? Скорее всего, этих различий нет. И мы имеем дело лишь с различиями “не по сущности, а по состоянию”⁴³.

Если же мы признаем разницу российского и западного хозяйственного духа и самого хозяйства лишь “по состоянию”, мы должны найти в

идеологии, отразившей в себе “западный капиталистический дух”, схожие рецепты противодействия человеческому эгоизму, отказу от служения своему призванию, всему тому, что приводит к нарушению мерного и созидательного течения экономического развития.

Если Булгаков в начале XX в. говорил о силе власти как о средстве “борьбы со злом”, то о ней в той или иной степени должен был сказать и Кальвин⁴⁴. И он говорил об этом. Как и Булгаков, Кальвин признавал “два порядка” управления, способные воздействовать на нормы человеческой жизни и деятельности: первый, “который заключен в душе, то есть во внутреннем человеке, и касается вечной жизни”, и второй, которой касается “установления гражданского правосудия и соблюдения внешних моральных норм”⁴⁵.

Кальвин называл вторую силу “гражданским управлением”, а Булгаков – “социальной политикой”, что до некоторой степени можно считать синонимами. Поскольку их предназначение общее: “учить нас применяться к требованиям совместного существования людей на время, в течение которого мы должны будем жить среди них; согласовывать наши нравы с гражданскими законами; учить нас договариваться между собой, поддерживать всеобщий мир и спокойствие”⁴⁶.

Кальвин был настойчив в своей апологетике гражданской власти и устанавливаемого ею гражданского порядка. “Отказ от него есть бесчеловечное варварство, – писал он, – ибо люди нуждаются в таком порядке не меньше, чем в хлебе, воде, солнце и воздухе, а его достоинство еще выше”⁴⁷. Ведь это и есть способ борьбы с тем самым эгоизмом, “антисофийностью”, о которых позднее говорит и Булгаков. Кальвин был убежден, что “гражданское управление призвано оберегать общественное спокойствие и собственность каждого человека; следить за тем, чтобы люди могли общаться друг с другом без обмана и взаимного вреда, сохраняя умеренность и честность, – короче говоря, чтобы у христиан открыто существовала публичная форма религии и среди людей жила человечность”⁴⁸.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ В статье “Народное хозяйство и религиозная личность” (1909 г.), которая вошла в книгу С. Булгакова “Два града. Исследование о природе общественных идеалов”, он, вслед за Вебером, достаточно подробно останавливается на анализе экономической роли кальвинизма в развитии капитализма. Надо сказать, что он не вступает в явный спор с основами протестантской хозяйственной этики, ограничиваясь подчеркиванием “различного отношения” православия и протестантизма к миру. Выражая сожаление об отсутствии серьезного анализа роли православия в развитии “русской хозяйственной жизни”, Булгаков утверждает, что православие «в дисциплине аскетического “послушания” и “хождения перед Богом” имеет могучие средства для воспитания личности и выработки чувства личной ответственности и долга, столь существенных для экономической деятельности». (Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 2008. С. 191.)

⁴⁴ Вообще, книги С. Булгакова “Философия хозяйства” и “Свет невечерний”, а также Ж. Кальвина “Наставление в христианской вере” во многом созвучны и похожи по тематике, кругу вопросов, проблем, по задачам сформулировать христианские наставления людям в их повседневной жизни.

⁴⁵ См.: Кальвин Ж. Цит. соч. Кн. IV. Гл. XX. Разд. 1.

⁴⁶ Там же. Разд. 2.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Разд. 3.

Итак, внутренняя человеческая духовность, сдержанность, дисциплина, ответственность, с одной стороны, и власть как форма воплощения государства, его законов, судебного и административного регулирования, есть те средства, которые позволяют вернуть разбушевавшуюся стихию эгоизма хозяйствующего человека в берега общественных интересов, высшей мудрости и равновесия. Это, казалось бы, достаточно очевидное положение представляется еще более аргументированным, раз оно подтверждается авторитетом столь разных и разделенных временем, верой, культурой мыслителей-христиан – Сергея Булгакова и Жана Кальвина. Рядом с ними можно найти и многих других мыслителей, чьи идеи позволяют нам убедиться в истинности данного тезиса. Именно конечное единство их мнений служит самым наглядным тому доказательством.

* * *

Из всего вышесказанного можно сделать сугубо прикладной вывод: экономическая устойчивость, а в контексте данной статьи – устойчивость финансовой системы, может быть обеспечена только осмысленно поддерживаемой и дисциплинирующей внутренней этикой деятельности финансовых институтов, а также, конечно, сильным, основанным на судебной системе, законах, на

административных полномочиях государственным регулированием, политикой, властью в области экономики в целом и финансов в частности.

Однако опыт последних лет показывает, что эти силы действуют с явными перебоями. Хваленое саморегулирование финансовых институтов, призванное формировать внутреннюю этику участников финансового рынка, пасует перед жадной быстрой спекулятивной выгодой, а государство демонстрирует свою слабость в том, чтобы противостоять этому разрушению самодисциплины рынка. Две силы разобщены, более того, они противостоят не тем противоречиям, которые дестабилизируют рынок, а друг другу. Они уже не исцеляют рынок, не удерживают его от скатывания в пропасть эгоизма, а в результате теряют свой потенциал и сами становятся источниками новых потрясений. Почему так происходит? Может быть, всему виной нарастающий собственный эгоизм этих сил? Может быть, каждая из них утратила понимание своего истинного назначения? Ответ на этот вопрос интригует, но выходит за рамки данной статьи.

Ключевые слова: экономика, финансовый рынок, государственная политика, экономические теории, политическая экономия, философия, С. Булгаков, Ж. Кальвин.